

8. Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области». Ф. 873. Оп. 1.
9. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. / Смирнов Ю.Н. [и др.]. Самара, 1995.
10. Дубман Э.Л. Дворяне и дети боярские Самары в конце XVII – начале XVIII века: состав и землевладение // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII – XX веков: макро- и микро-процессы: сб. статей. Оренбург, 2010.
11. РГАДА. Ф. 396. Оп.2. Ч. 5.
12. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1.
13. РГАДА. Ф. 281.
14. Там же. Ф. 1239. Оп.52.
15. Там же. Ф. 1209. Оп.4.
16. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Кн. 4.

Л.М. Артамонова

Самарская государственная академия культуры и искусств

**«ПРЕЖДЕ ДОЛЖНО УЧИНИТЬ СВОБОДНЫМИ ДУШИ,
А ПОТОМ УЖЕ ТЕЛА»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ 1780-Х ГОДОВ О ПРОСВЕЩЕНИИ КАК УСЛОВИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ**

150-летие отмены крепостного права, которое отмечается в этом году, подвигло научную общественность обратить более пристальное внимание как на проведение и последствия «Великой реформы», так и на ее предысторию. Путь к этому событию был долгим и нелегким. Он начался еще до начала 19-го столетия, причем не столько с реальных административных и законодательных шагов, сколько с идеальных представлений и перемен в сознании. Свой след на этом пути оставили идеи, рожденные в «эпоху Просвещения», которая в России ассоциируется с последней третью XVIII века и правлением Екатерины II.

Историю русской общественно-политической мысли не стоит рассматривать исключительно через призму трактатов мыслите-

лей, проектов публицистов, предложений сановников, манифестов правителей. Реальные дела политиков и события в государственной жизни сами по себе часто были насыщены богатым идейным содержанием, о котором могло не говориться прямо. Конечно, надо внимательно анализировать тексты законодательных актов, правительственных распоряжений, протоколов важных совещаний, воззваний или газетно-журнальных статей. Однако также необходимо прислушиваться к мнениям осведомленных участников или современников исторических деяний и происшествий, зафиксированным в мемуарах, дневниках, письмах.

Юная немецкая княжна Ангальт-Цербстская, будущая великая княгиня и царица Екатерина Алексеевна, появилась в далекой России вовсе не убежденной сторонницей идей французских просветителей. Ей таковой еще предстояло стать. Важнейшими в движении по этому пути стали два фактора: 1) культурный шок середины 1740-х гг. по приезде в Россию, где ее поразила отсталость и государственное неустройство; 2) личная драма и душевный перелом середины 1750-х гг., когда ее главными друзьями и советчиками стали книги, а целью жизни – самообразование, самовоспитание, самосознание, самостоятельность. Привязанность к новой родине, стремление помочь ей обрести более совершенные государственные порядки в совокупности с осознанием своего умственного и эмоционального превосходства над мужем и другими придворными в итоге породили в Екатерине жажду борьбы за власть, максимально полную внутреннюю и внешнюю свободу. Вместе с тем она почувствовала духовную связь со своими заочными наставниками, Вольтером и французскими энциклопедистами, стала ощущать себя «сочленом космополитической партии просветителей», а затем и была признана таковой своими идейными учителями [15, с. 4, 6, 7].

Просветительская самооценка и самоидентификация Екатерины II обязывали ее обращать внимание на положение рядовых подданных, в том числе зависимых людей. Историки, литературоведы, философы, то есть все, кому интересны взгляды и дела императрицы, давно обсуждают вопрос о том, насколько искренне она разделяла идеи эмансипации человеческой личности, упразднения рабства, крепостной зависимости и иных проявлений несвободы. При всех разногласиях большинство ученых согласно с тем, что «Екатерина прекрасно сознавала проблему крепостничества и не раз задумывалась над путями ее решения», а «своих намерений довести дело до

конца она не оставляла» никогда [6, с. 30]. Однако, «понимая всю бесчеловечную сущность крепостничества, Екатерина была убеждена, что Россия еще не готова к принятию иного общественного устройства» [8, с. 15].

Уже современники императрицы размышляли над тем, каковы были ее цели в крестьянском вопросе и что помешало принять для их достижения решительные меры. Смысл подобных рассуждений, мы считаем, точнее всего передал князь Федор Николаевич Голицын, который в 1809 г. оглядываясь назад: «Екатерина остановилась на той точке, которой перейти без большей опасности невозможно было: дать народу законную свободу, т.е. уничтожить собственность над крестьянами. О сем подумывали и в ее царствование, но исполнить не смели; да и трудно к сему приступить» [2, с. 286].

В первые годы царствования Екатерины II действительно шло непосредственное обсуждение хозяйственной, правовой, этической сторон крестьянского вопроса. Такое обсуждение инициировала сама императрица, объявив конкурс в Вольном Экономическом обществе, созвав Уложенную комиссию, разрешив открыть вольные типографии и издавать в них сатирические журналы.

Однако вскоре она поняла, что вступила на зыбкую почву и может лишиться всего: «Едва посмеешь сказать, что они (крепостные. – Л.А.) такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями». Ее удивляло, как даже «невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать», быстро догадывались, какие предполагаемые изменения «могут привести к некоторому изменению в настоящем положении земледельцев». Почувяв это, даже самые милые, добрые и услужливые люди «с негодованием и страстью» перечили государыне, защищая «дело рабства». Екатерина полагала, что среди российских дворян «не было и двадцати человек, которые бы по этому предмету мыслили гуманно и как люди» [4, с. 174–175].

Разговоры на фоне бездействия в крестьянском вопросе несли опасность и с другой стороны. Рухнули надежды низших сословий на улучшение своего положения в результате деятельности Уложенной комиссии и иных правительственных мероприятий. Это стало одной из причин их массового выступления на стороне Е.И. Пугачева.

Некоторые исследователи считали, что активность Екатерины в крестьянском вопросе не пережила драматических событий 1773–1775 гг. Так, В.В. Мавродин утверждал, что после подавления восста-

ния Пугачева на смену политике «просвещенного абсолютизма» пришло «время открытой дворянской реакции» [5, с. 395]. В реальности же эта активность переместилась в иную плоскость.

Осознав неготовность русского общества, особенно нежелание его верхов, к скорому и принципиальному решению крестьянского вопроса политическими мерами, Екатерина II перенесла свои аболиционистские намерения и ожидания в сферу образования и воспитания, т.е. просвещения в первоначальном и узком смысле этого слова. Российский «просвещенный» абсолютизм, который вовсе не исчез после Пугачевщины, начал в 1780-е гг. школьную реформу – самую просветительскую, на наш взгляд, в своей истории. Она заслуживает разностороннего рассмотрения. В данном же сообщении, прежде всего, хотелось остановиться на взглядах современников, которые увидели взаимосвязь реформы образования с идеей гражданских свобод, зародившейся и постепенно закрепившейся в русской общественно-политической мысли XVIII века.

Просвещение как необходимое условие освобождения и первый шаг к нему – частый мотив в сочинениях и западноевропейских мыслителей, даже весьма радикально настроенных. Г. Рейналь, выдвигавший революционные идеи и оказавший заметное влияние на А.Н. Радищева, тем не менее, из уроков восстания Пугачева делал вывод о необходимости в России предварить политическое освобождение духовным: «Едва эта знаменитая государыня взяла в руки бразды правления, как со всех сторон стало слышно, что она хотела бы царствовать над свободными людьми. В тот момент, когда стали обнаруживаться сии намерения, более ста тысяч крепостных подготовили мятеж против своих господ... Сие волнение, продолжение которого могло опрокинуть государство, заставило понять, что надобно было приручить медведей, прежде чем снять их оковы, а также, что хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе» [12, с. 204].

В книге Г. Рейналя, которую также частично дописывал и редактировал Д. Дидро, слышны отзвуки переписки Екатерины II с западноевропейскими просветителями о готовящейся школьной реформе. В мае 1780 г. она написала М. Гримму и другим корреспондентам о беседе с императором Иосифом II в Могилеве, после которой решила положить в основу этой реформы австрийские «нормальные» (образцовые. – Л.А.) школы, которые представлялись ей замечательным изобретением, к которым следовало бы только добавить «нормальных» учителей (Normalschulmeister) [10, с. 181].

Гримм и барон Дальберг тут же стали называть Екатерину II на смешанном французско-немецком жаргоне божественной или бессмертной «нормальной школьной учительницей» (divine, immortelle Normalschulmeisterin) [9, с. 42, 68]. Я.К. Грот ошибался, относя появление этого прозвища к 1784 г. [3, с. 27].

Гримм выражал надежды единомышленников, что «из этого выйдет великое благо: народы станут образованнее, смысленнее, разумнее; только большие негодяи или презренные плуты боятся таких народов; те же, кто рожден повелевать, предпочитают повелевать людям, а не зверям» [9, с. 68–69]. Именно тогда Екатерина II сочла необходимым сформулировать свое кредо и отречься от упомянутых Гриммом «плутов и негодяев», заявив, что уж ее-то никогда не испугает образованность народов [10, с. 193].

В соответствии с идеалами «века Просвещения» среди государственных деятелей, привлеченных к реализации школьной реформы, было распространено убеждение, что право на образование принадлежит к числу естественных прав. По мнению Осипа Петровича Козодавлева, «путь к просвещению... не долженствует быть возбранен ни единому человеку», включая «несвободных», то есть крепостных людей [13, с. 70, 71].

Насколько важное значение, выходящее за рамки школьных дел, придавала реформе сама императрица, свидетельствуют высказывания, зафиксированные в дневнике ее секретаря А.В. Храповицкого. Она считала, что заведение и утверждение народных училищ приведет к тому, что «в 60 лет все расколы исчезнут», а «невежество истребится само собой», при этом «разнообразные в России обычаи приведутся в согласие и исправятся нравы» [14, с. 2–3].

Еще дальше в объяснении планов императрицы, на которое не решалась она сама даже в беседах с доверенным секретарем, пошел генерал-майор, прокурор Военной коллегии И.Н. Болтин. Когда началась школьная реформа, он как раз писал свои «Примечания» на книгу Леклерка о России. В них провозглашалась не только теоретическая зависимость между идеями просвещения и свободы, но и практическая связь между школьной и крестьянской реформами: «Прежде должно учинить свободными души рабов, говорит Руссо, а потом уже тела. Мудрому сему правилу последовала великая Екатерина: желая снять узы с народов, скипетру ее подверженных, предначинает сие великое и достойное ее намерение освобождением душ их от тяжкой и мрачной неволи невежества и суеверия. Не на иной конец

устраиваются, по высочайшей ее воле, по всему государству училища для нижних чиновостояний, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара, дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее. Не могу сказать, какое из двух благоденствий есть вящее: то ли, чтоб дать вольность рабу, или то, чтоб открыть ему таинство учиниться счастливым, то есть, чтоб научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкуче на пользу ближнего и отечества. Боже, помоги делательнице премудрой и человеколюбивой то и другое совершить, и сподоби вкусить плоды трудов своих» [1, с. 236–237].

Книга Болтина была издана в России на русском языке и была обращена она не к европейским просветителям, а к образованной российской публике. Думала ли так, как он писал, сама императрица, с полной уверенностью сказать нельзя. Однако, безусловно, Болтин выразил мнение тех современников, кто подобным образом воспринимал стратегическую цель школьной реформы, видимо, имея на то основания. Без сомнения, Екатерина II не возражала, чтобы, по крайней мере, часть русского общества воспринимала появление народных училищ как первый шаг на пути отмены крепостного права. Более того, она отдала распоряжение напечатать книгу Болтина за государственный счет.

Характерно то, что в одном 1786 году наряду с «Уставом народным училищам в Российской Империи» вышел указ императрицы об отмене употребления слова «раб» в прошениях на высочайшее имя [11]. Считаю возможным дополнить объяснения этому решению, которые предлагают современные исследователи [7], предположением о его идейной связи со школьной реформой.

В преамбуле Устава народных училищ 1786 года социально-политические аспекты реформы были не заявлены, уступая место общим гуманитарным ценностям: «Воспитание, просвещая разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же волю к деланию добра, руководствует к жизни добродетельной и напояет наконец человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны». Однако в законе, безусловно, утверждались принципы всеобщей светской бесплатной школы с совместным обучением детей обоего пола и преподаванием на родном языке.

Тем самым Екатерина II задала загадку, не разрешимую в рамках узкого классового подхода. Можно ограничиться оценкой мероприя-

тий по созданию профессиональных и закрытых сословных учебных заведений в XVIII в. как соответствующих интересам самодержавного государства и господствующих слоев. Объяснить же подобным образом появление всесословных общеобразовательных народных училищ и трату казенных денег на обучение простонародья невозможно. Следует, видимо, внимательно прислушаться к представленным мнениям современников школьной реформы и признать наличие в ней глубоких модернизационных замыслов.

К такому выводу склоняет и историческая перспектива. Российский абсолютизм, начиная с Екатерины II, по сути, не переставал оставаться «просвещенным» в прямом смысле этого слова, т.е. понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это дело. Создание общеобразовательной школы в масштабах государства смогло не только закрепить результаты уже проведенных преобразований в общественно-экономической жизни, но и подготовить почву для будущих перемен. В отношении распространения новых идей и воспитания новых людей образовательные реформы в России, включая школьную реформу 1780-х годов, сыграли важную роль в подготовке отмены крепостного права. Элита и рядовая масса русского общества, во многом благодаря распространению просвещения, оказались готовы принять коренные преобразования 1860–1870-х годов в отличие от поколения, жившего на столетие раньше.

Библиографический список

1. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклера. СПб., 1788. Т. 2.
2. Голицын Ф. Н. Записки // Золотой век Екатерины II. М., 1996.
3. Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. XX. СПб., 1880.
4. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М., 1989.
5. История СССР. С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.П. Епифанова, В.В. Мавродина. М., 1983.
6. Каменский А.Б. Юбилей упущенных возможностей // Родина. 2010. № 2.
7. Марасинова Е.Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 81–92.

8. Михайлов О.Н. Екатерина II – императрица, писатель, мемуарист // Сочинения Екатерины II. М., 1990.
9. Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 33.
10. Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23.
11. ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XXII. № 16329, 16421.
12. Рейналь Г. Философская и политическая история заведений и торговли в обеих Индиях // Моряков В.И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М., 1981. Приложение I.
13. Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1877.
14. Храповицкий А.В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901.
15. Шарф К. Ветер перемен из Штеттина и Галле: немецкие корни политического самосознания Екатерины II // Родина. 2010. № 2.

Ю.Н. Смирнов

Самарский государственный университет

ОБОСТРЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ С НАСЕЛЕНИЕМ ЗАВОЛЖЬЯ В 1764–1768 ГГ.

Начало 1760-х гг. в истории лесостепных и степных территорий Заволжья связано с пребыванием во главе Оренбургской губернии, в которую эти территории тогда входили, видного государственного деятеля Д. В. Волкова, чью деятельность можно рассматривать в контексте общегосударственной политики «просвещенного абсолютизма» [10]. Волков из-за кратковременности пребывания на губернаторской должности не успел приступить к исполнению того, что предлагал. Его предупреждения о недостатках местного управления не были услышаны ни верховной властью, ни местными дворянами и чиновниками. После отставки Волкова в октябре 1763 г. до восстания Е.И. Пугачева оставалось ровно 10 лет, которые так и не были использованы не только для решения глубоких и острых социальных проблем в крае, но даже для приведения в порядок вооруженных сил, размещенных на юго-восточной окраине империи.